

DOI 10.15826/izv2.2023.25.1.003
УДК 821.161.1-311.6 Чернев + 7.036.1(470) +
+ 94(571.6)“1917/1920” + 94(510)“1917”

О. В. Залеская
А. В. Оробий
*Благовещенский государственный
педагогический университет*
Благовещенск, Россия

**ОБРАЗ КИТАЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА
В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(на материале романа Ильи Чернева «Мой великий брат»)**

Целью статьи, являющейся междисциплинарным исследованием, стал анализ образа персонажа-китайца, а также отражение исторических фактов присутствия китайцев в русской художественной литературе. Основное внимание в статье уделяется идеологическому контексту. Материалом исследования стал историко-революционный роман Ильи Чернева «Мой великий брат» (1954). В романе освещаются основные этапы революционной борьбы приамурского и забайкальского пролетариата. Большинство ключевых персонажей романа — китайцы. В статье, вслед за Х. Гюнтером, выделены четыре разноплановых персонажа-китайца, в которых воплощается участие иностранных революционеров в период Гражданской войны: пролетарий, воин, жертва, политический деятель. «Историческая» составляющая статьи подтверждает, что рабочие — подданные других государств, находившиеся на территории России, — вербовались в вооруженные формирования для борьбы с контрреволюционными силами, принимали активное участие в партизанском движении, а также снабжали партизан продуктами, медикаментами и боеприпасами. В статье установлены причины, по которым китайцы примыкали к революционным объединениям: освобождение от эксплуатации, социализация, но в то же время — идеологическая неустойчивость китайских революционеров, обусловленная пестрым социальным составом и плохим знанием русского языка. В статье рассмотрены художественные средства, с помощью которых Чернев изобразил китайских персонажей. Обосновано, что роман «Мой великий брат» — свидетельство идеологического государственного заказа. Несмотря на то, что роман не приобрел известность, его ценность определяется самим материалом, на основе которого было создано художественное полотно. Участие граждан Китая в Гражданской войне остается одной из малоизученных тем российской истории, а в литературе роман «Мой великий брат» является единственным художественным текстом на эту тему.

К л ю ч е в ы е с л о в а: роман; персонаж; соцреализм; революция; китайский революционер; Гражданская война; Дальний Восток

Ц и т и р о в а н и е: *Залеская О. В., Оробий А. В.* Образ китайского революционера в эпоху Гражданской войны на Дальнем Востоке: идеологический аспект (на материале романа Ильи Чернева «Мой великий брат») // Известия Уральского

федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 43–57.
<https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.003>

Поступила в редакцию: 12.01.2022

Принята к печати: 26.01.2023

Olga V. Zaleskaya
Alena V. Orobii

Blagoveshchensk State Pedagogical University
Blagoveshchensk, Russia

**IMAGE OF A CHINESE REVOLUTIONARY
IN THE ERA OF THE CIVIL WAR IN THE FAR EAST:
AN IDEOLOGICAL ASPECT
(Based on the Novel *My Great Brother* by Ilya Chernev)**

The aim of this interdisciplinary article is to analyse the image of a Chinese character, as well as reflect the historical facts of the presence of the Chinese in Russian fiction. The article focuses on the ideological context. The authors refer to *My Great Brother* (1954), a historical and revolutionary novel by Ilya Chernev. The novel highlights the main stages of the revolutionary struggle of the Amur and Trans-Baikal proletariat. Most of the key characters in the novel are Chinese people. In the article, following H. Günther, the authors single out four diverse characters, the Chinese, that reflect the participation of foreign revolutionaries during the civil war: a proletarian, a warrior, a victim, and a politician. The “historical” component of the article confirms that workers who were subjects of other states and stayed on the territory of Russia were recruited into armed formations to fight counter-revolutionary forces, taking an active part in the partisan movement, and supplying the partisans with food, medicines, and ammunition. The article identifies the reasons why the Chinese joined the revolutionary associations: liberation from exploitation, socialisation, but at the same time, the ideological instability of the Chinese revolutionaries due to the motley social composition and poor knowledge of the Russian language. The article discusses the artistic means Chernev employs to portray the Chinese characters. It is proved that the novel is an example of a work commissioned by the state. Even though the novel *My Great Brother* has not gained fame, its value is determined by the material itself underlying its artistic canvas. The participation of Chinese citizens in the civil war remains one of the little-studied topics of Russian history, and in literature, the novel *My Great Brother* is the only work of fiction on this topic.

Key words: novel; character; social realism; revolution; Chinese revolutionary; civil war; Far East

For citation: Zaleskaya, O. V., & Orobii, A. V. (2023). *Obraz kitaiskogo revoliutsionera v epokhu Grazhdanskoi voiny na Dal'nem Vostoke: ideologicheskii aspekt (na materiale romana Il'i Cherneva "Moi velikii brat")* [Image of a Chinese Revolutionary in the Era of the Civil War in the Far East: An Ideological Aspect (Based on the Novel *My Great Brother* by Ilya Chernev)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo*

universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 25(1), 43–57. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.003>

Submitted: 12.01.2022

Accepted: 26.01.2023

Введение

В статье «Образ китайца в амурской литературе...» [Залесская, Оробий, Оробий] был дан обзор героя-китайца в литературе региона от начала ее существования в середине XIX в. до современности. Авторами сделан вывод о своеобразном «минус-приеме» — почти полном отсутствии последовательной литературной трактовки образа китайца в литературе Приамурья. Несмотря на имеющийся социальный заказ на тему, в силу специфики литературного процесса региона не нашлось его исполнителя.

Настоящая статья посвящена тому, что «исполнитель» все-таки существовал. Это не противоречит основному выводу предыдущей статьи: автор, хотя и был родом с Дальнего Востока, с 1933 г. жил в Москве и профессионально занимался литературным творчеством. Речь идет о полузабытом ныне Илье Черневе (псевдоним А. Леонова, 1900–1962).

Илья Чернев родился в семье сосланного на Сахалин забайкальского старовера из секты «семейских». В юности стал свидетелем революции и Гражданской войны на Дальнем Востоке. После революции работал в дальневосточных (Благовещенск, Владивосток, Хабаровск) и сибирских газетах, а в 1933 г. переехал в Москву. В данной статье основное внимание будет уделено историко-революционному роману Чернева «Мой великий брат» (1954), в котором освещаются основные этапы партизанской борьбы на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны.

Итак, герой появляется, когда возникает государственный идеологический «заказ» на такого героя. Так произошло и в нашем случае. Китайцы-революционеры существовали в реальности, появились они и в художественном тексте. Роман, впервые изданный в 1954 г., был посвящен традиционной для соцреализма теме — революционным преобразованиям и Гражданской войне 1917–1922 гг., в данном случае — на Дальнем Востоке. В 1959 г. вышло доработанное издание. В СССР 1950-е гг. — время позднего сталинизма, затем — развенчания культа личности. В Китае же после продолжительной эпохи политической раздробленности и Гражданской войны в 1949 г. было создано новое государство — Китайская Народная Республика. Общеизвестно, что 1950-е гг. ознаменовались коротким периодом сближения между СССР и КНР, появились лозунги «Русский с китайцем — братья навек!», «Пусть вечно живет китайско-советская дружба!» и пр. Роман «Мой великий брат» стал свидетельством социального заказа государства на идейное обоснование этого сближения.

В этой статье основное внимание уделяется идеологическому контексту, который обусловлен особенностями описываемой в романе эпохи революционных

преобразований, Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. В этот исторический период в России произошли две революции, ставшие определяющими событиями не только российской, но и мировой истории. Они ознаменовали собой кардинальную перестройку судеб народов и государств. В революционные потрясения оказались вовлечены не только русские граждане, но и граждане других стран, в частности, Китая, которых советское руководство, придерживаясь концепции мировой пролетарской революции, собиралось использовать в грядущих классовых боях.

Это нашло отражение в сюжете «Моего великого брата»: в романе делается акцент на участии китайцев в революционной борьбе на российской территории, при этом борьба отражает главную идею произведения — рост самосознания китайцев заставляет их бороться за права *всех* рабочих и крестьян («каждый вечер в бараке у нас разговоры... пойдём с русскими рабочими до конца!» [Чернев, с. 90, 91], а также рассматривать борьбу в России как некую «учебу», подготовку к борьбе на родине, в Китае: «красный русский — пэньйо (кит.: *друг*), друг, гэгэ (кит.: *старший брат*) <...> Ленин — первый гэгэ, первый туньджи (кит.: *товарищ*), и мы идем за ним, чтобы китайские люди дома взяли винтовки и прогнали всех, кто сидит на шее народа» [Там же, с. 344].

В романе множество персонажей-китайцев, среди которых мы выделим три разноплановых типа. В их историях отразилось участие иностранных революционеров в Гражданской войне. Все они — формально герои «пути, дороги». Все они постоянно преодолевают границы — государственные, профессиональные и пр. В их жизни только одна константа — коммунистическая идеология, и поэтому их «дороги» оказываются скорее сюжетными поворотами, географическими перемещениями, нежели духовными исканиями. В литературе соцреализма герой — это прежде всего образ борца за новую жизнь и строителя новой жизни. Герой преодолевает любые, даже кажущиеся непреодолимыми преграды и справляется со всеми врагами.

Х. Гюнтер выделяет в сталинскую эпоху четыре категории героев [Гюнтер, с. 746]:

— герой социалистического труда, дарующий людям технические, научные, художественные и другие достижения (стахановцы, «сталинские соколы», выдающиеся деятели науки и техники);

— герой-воин, — в частности, герои литературы о Гражданской войне («Железный поток» А. Серафимовича, «Чапаев» Д. Фурманова и пр.);

— герой-жертва, образ которого часто моделируется по канону житий святых и мучеников и отличается самоотверженностью и самопожертвованием («Мать» М. Горького и пр.);

— герой — политический деятель, был довольно распространен, особенно в советской публицистике и в биографическом жанре.

В романе Чернева мы сможем обнаружить почти все категории героев, причем эти персонажи являются китайцами. Остановимся подробнее на нескольких, наиболее репрезентативных персонажах.

Герой номер один: Ван Се. Путь пролетария

Ван Се (Михайла) — пролетарий в классическом понимании этого термина. Сын батрака, после смерти отца он с тремя друзьями отправляется в город Чифу, где, по совету разбогатевшего земляка Хао Шу-вана нанимается на работу в золотоискательскую артель к русским. Почему именно к русским? Ведь китайцы ненавидят иностранцев, особенно «инглезов» (англичан) и американцев (Хао Шу-ван — Ван Се: «ты должен помнить, как пахари и кули чуть не со всего Чжунго (кит.: *Kumai*), сплотившись в отряды ихэтуаней, поднялись с оружием в руках на рыжеволосых дьяволов. Особенно свирепствовали бессердечные янки и японцы. Только русские предложили убрать из Пекина иностранные войска» [Чернев, с. 9–10]). Русский народ, по мнению Хао Шу-вана, «сердечен и трудолюбив, умеет терпеливо переносить невзгоды и помогать друг другу в беде» [Там же, с. 9], хотя «русские мандарины и чжитаи, старосты и полицейские не уступают в глупости и жестокости нашим и дерут с бедняков» [Там же].

Таким образом, уже в прологе подчеркивается: происхождение Ван Се — максимально пролетарское; русский простой народ хорош, а социальная верхушка плоха, так же, как и в Китае; представители капиталистических стран (Англия, США, Япония) хищнически осваивают богатства Китая.

Так Ван Се исподволь начинает свой путь к революции: работа на золотых приисках, бесправность, постепенный рост классового самосознания. Волей случая Ван получает русский паспорт на имя Михайлы Титова. Дорожный мастер, на которого работал Ван Се, подарил ему паспорт своего умершего сына. Так Ван Се стал «русским», русский народ символически «усыновил» его. Михайла «и раньше слышал, что китайцы то и дело покупают русские паспорта или по-настоящему переходят в русское подданство», теперь он понял, для чего: «начальство хочет присматривать за всеми китайцами» [Там же, с. 44]. Дело в том, что общий иммиграционный закон в отношении китайских подданных так и не был принят — русская администрация руководствовалась временными правилами их контроля, предписывая китайским мигрантам по истечении месяца пребывания на территории России выкупать русский вид на жительство. Паспорт российского подданного, полученный Михайлой, дал возможность свободного передвижения по стране, найма на работу (в том числе на железную дорогу — «стратегический» объект), женитьбы на россиянке.

Очерчивая образ Ван Се, автор реализует классическую соцреалистическую модель: от стихийного *недовольства* установленным социальным порядком (подробное описание тяжелого быта старательской китайской артели в российской тайге, бесчинства «старшинок» и российского начальства: «одноглазого верзилу Шао Ли-цзы» [Там же, с. 21] за грабеж и избиения старателя забили насмерть) — к *сознательности* (встреча с забастовщиком Арсением, ставшим первым политическим учителем китайца [Там же, с. 30], встреча с революционерами — братьями Шиловыми [Там же, с. 85], уход на Гражданскую войну,

несмотря на, казалось бы, устроенную личную судьбу — жена, дети, дом, работа: «раз русским братьям стало шибко худо, я взял в руки ружье» [Чернев, с. 142]).

Действительно, во время Гражданской войны и интервенции рабочие — подданные других государств, находившиеся на территории России, — вербовались в вооруженные формирования для борьбы с контрреволюционными силами. Создание интернациональных соединений проходило под руководством РКП(б). Так, командир Забайкальского отряда Дмитриев приказывает Михайле: «Поедешь со мной на один из приисков. Сам я по-китайски не знаю, будешь моим переводчиком. Нужно наберечь еще человек двести добровольцев» [Там же, с. 90]. Формированием интернациональных частей занималась Центральная федерация иностранных групп РКП(б), направлявшая целые отряды китайских интернационалистов на фронты Гражданской войны.

В развернувшемся осенью 1918 г. на Дальнем Востоке и в Забайкалье партизанском движении китайские трудящиеся приняли самое активное участие. Они сражались в отрядах В. Д. Вострикова, В. А. Бородавкина, А. Н. Зубарева-Макарова, И. П. Шевчука и др. В составе интернационального китайско-русского партизанского отряда в повстанческой армии Г. С. Дрогошевского в феврале-марте 1919 г. было около 150 китайцев под командованием бывшего китайского батрака и грузчика Чэнь Бочуаня; китайские мигранты участвовали в партизанских боях в Приамурье и Приморье. В конце лета 1919 г. Чэнь Бочуань (он взял себе и русское имя — Александр Орлов) увел своих соотечественников в отряд партизана Антона Бутрина, которого китайцы из-за его бороды прозвали «лаотоу» — Старик. Партизанский отряд Старика стал называться интернациональным — в нем сражались венгры, татары, украинцы, русские, китайцы. Отдельный китайский пехотный батальон воевал против иностранных военных интервентов и белогвардейцев в составе Забайкальской партизанской армии П. Н. Журавлева; китайские добровольцы были задействованы в сентябре 1919 г. в боях под Богдатыю, в 1920 г. — за с. Нерчинский Завод [Залеская, с. 94–95].

Китайцы участвовали в партизанском движении, не только воюя в партизанских отрядах, но и снабжая партизан продуктами, медикаментами и боеприпасами. В этом ключе интересным представляется эпизод романа с «патронщиками»: Красной Армии не хватало боеприпасов, и китайские красные партизаны, в том числе и Михайла, под видом торговцев покупали патроны у белых или в соседнем Китае. Этому эпизоду есть историческое подтверждение: так, оружие и медикаменты в порубежной Маньчжурии покупали как русские, так и китайские участники подпольных организаций и партизанского движения. Так, например, в этих целях председатель Амурского облисполкома Федор Мухин в августе 1918 г. передал в Хэйхэский банк (в г. Хэйхэ на китайском берегу Амура напротив русского г. Благовещенска) несколько пудов золота на общую сумму 40 млн руб. [ГААО, ф. П-2617, оп. 2, д. 23, л. 131].

Для Михайлы война заканчивается там же, где и началась, — он возвращается в ставшее родным Забайкалье, к жене и детям. Начинается новый виток его биографии — внешне похожий на дореволюционный (вновь работа

на станции, обустройство дома, семейная жизнь), но качественно лучший — Ван Се теперь начальник станции, с помощью государства построил новый дом и даже дождался наследника — сына. Его личное благополучие — награда за преданность революции. Как в мирной жизни, так и на войне Ван Се показывает неприхотливость, простодушие, дисциплинированность. Он терпеливо сносит тяготы военного времени, не возвращается домой — к жене и детям — до полной победы революции. Именно такой образ революционера, ставящего «долг выше личного счастья», и нужен был автору. Ван Се представлен как некая типичная сила, из подобных ему и состоит основная революционная масса: это рабочие, укорененные на земле (семья, местное общество, работа), наделенные острым классовым чувством и ушедшие в революцию для сохранения и преумножения благополучия (как для семьи, так и для общества). Позднее именно этот тип героя станет представителем «массового коллективного героизма» — героизма труда [Добренко, с. 570]. Подобные герои, рассуждая в понятиях Е. Добренко, заменяют буржуазную индивидуальность более соответствующим эпохе тоталитарной власти коллективизмом.

Герой номер два: Сань Ху. Герой-воин

В революционное время доминировали героические персонажи: Чапаев и Левинсон, «красные дьяволята» и «снайпер Марютка», Павка Корчагин, Любовь Яровая и Ольга Зотова, и пр. Однако «горизонтальность» зарождающейся советской культуры в зрелый период уступает место иерархической структуре [Паперный]. Из равноправных братьев-революционеров выделяются фигуры «старшего брата», а потом и «отца», обладающего мудростью и авторитетом, которому можно доверить заботу о народе и управление им [Гюнтер, с. 47]. Такой герой характеризуется позитивным отношением к жизни, жизненной энергией и энтузиазмом. Он особенный человек, человек с «большой буквы», в его сознании преобладает идея, придающая ему уверенность в своей правоте и дающая силы для действия. Роль «отцов», «учителей», руководящих китайскими революционерами, досталась русским дальневосточным революционерам — братьям Шиловым, Сергею Лазо, Владимиру Шимановскому, Антону Бутрину («Старику»).

Автор показывает отношение русских командиров к китайским добровольцам, с одной стороны, как отеческое, а с другой — как дальновидно-учительское: «беречь их надо, они у себя нужны будут» [Чернев, с. 97]. Таким образом, русские революционеры и китайские добровольцы вступают в прямые отношения «учитель — ученик». Таковы отношения русских командиров и еще одного китайского персонажа — китайского революционера Сань Ху (Саньки), у которого был реальный исторический прототип. Идея русских революционеров как учителей проходит через весь роман, актуализируясь в ключевых эпизодах: «Сань Ху с восхищением смотрел на происходящее. Мог ли он, простой китаец-рабочий, неожиданно для себя назначенный командиром, знать до сих пор, что ведение

оборонительного боя — большое искусство и что, как бы нарочно для него, сейчас показано высокое умение вести такой бой?.. Сань Ху с горечью подумал, что его рота не сумеет так превосходно действовать в бою, нет, не сумеет!.. Но... есть у кого поучиться!» [Чернев, с. 105].

Сань Ху стал идеальным учеником, исполнителем «воли революционного народа». Его прошлое, в отличие от прошлого Михайлы, неизвестно. В романе он появляется «ниоткуда»: во время агитационной речи Ван Се в китайском бараке одного из золотодобывающих приисков «с нар спрыгнул высокий, с острыми чертами лица и большими черными как уголь глазами парень в синей куртке» [Там же, с. 92] и по-русски попросил записать его в красноармейский отряд. Выяснилось, что русский он выучил, так как «не первый год на приисках», «золото мыть и стрелять научился», а также успел побывать в Красной армии, «выгонял семеновцев из Оловянной, да командир распустил» их [Там же, с. 93]. Сань Ху сразу же назначили командиром китайской роты. Его реальный прототип участвовал в ликвидации «читинской пробки» — белых формирований, занявших район Читы, ст. Карымской, Сретенска, Нерчинска. Командир 2-го батальона 17-го Амурского стрелкового полка Сань Ху руководил более чем 400 китайских бойцов, прибывших в Восточное Забайкалье с Амурского фронта.

После Гражданской войны Санька, как и многие китайцы, остался в Советской армии, получил военное образование в Советском Союзе и вернулся на родину — уже в качестве профессионального военного и профессионального же революционера (из письма Михайлы: «Сань Ху окончил пехотное училище в Харькове и подался домой. Сань Ху не пишет, чем занимается дома, но сообщает, что там всю бушует революция... А раз идет революция, то не могут наши боевые ребята в стороне оставаться» [Там же, с. 608]).

Сань Ху прошел школу революции именно в России, от низов («простой китаец-рабочий, неожиданно для себя назначенный командиром») до дипломированного специалиста («после победы революции в России он учился военному делу, окончил <в 1925 г.> пехотное училище») [Там же].

Герои, подобные Сань Ху, являются ли они героями военных или трудовых подвигов, всегда остаются лишь исполнителями, распространителями чужих идей: «Когда красные русские победят, мы вернемся на родину и поступим так же, как русские, большевики! Мы станем хозяевами земли, мы, люди труда, а не фунун и тухао (кит.: *деревенский кулак и мелкий помещик*)» [Там же, с. 92]. Зрелыми / мудрыми неизменно остаются Старшие братья / Вожди-отцы, Учителя (в данном случае — русские революционеры).

Герой номер три: жертва

В отличие от интернационалистов других стран, оказавшихся на территории России как пленные Первой мировой войны, китайские подданные прибывали на российскую территорию по экономическим причинам, вербуясь на стройки и промышленные предприятия. На российском Дальнем Востоке китайские

трудящиеся как рабочая сила были востребованы с конца XIX в. Китайцы быстро осваивали рабочие специальности (Михайла: «молоток, топор, лопата, лом — все могу» [Чернов, с. 42]). Не менее 200 тыс. китайцев находилось на российском Дальнем Востоке к началу 1917 г. [Ли Цзягу, с. 6], а по всей России около 500 тыс. [Ло Сяохуэй, с. 1]. Далеко не все они смогли покинуть Россию, охваченную пожаром Гражданской войны. Так как в основной своей массе прибывавшие на заработки в Россию китайские мигранты практически не имели средств к существованию, вступление в интернациональные части стало для них способом выживания в сложных социально-экономических условиях, средством получения пропитания и теплой одежды. Уже летом 1918 г. китайцы в составе интернациональных отрядов участвовали в боях на Уссурийском и Прибайкальском фронтах — в составе отдельного китайского батальона под командованием китайца Сунь Цзиу (бывшего рабочего мельницы известного китайского предпринимателя Цзи Фэнтая), китайского красноармейского отряда в количестве 100 чел. под командованием бывшего «старшинки» китайской артели поселка Тетюхе (ныне г. Дальнегорск Приморского края) Ван Ицзу (в 1930-е гг. — капитан госбезопасности, затем помощник начальника отделения УНКВД по Дальневосточному краю; в 1938 г. репрессирован) и др.

После образования в апреле 1920 г. Дальневосточной республики (ДВР) китайских мигрантов стали активно привлекать в ряды Народно-Революционной армии ДВР. Из них была сформирована 3-я Сибирская стрелковая дивизия, два полка которой состояли из китайских добровольцев, а в третьем полку был один батальон китайцев и три батальона корейцев. Помимо соединений Восточного фронта, китайские части входили в состав 10-й, 11-й и 12-й армий Южного фронта, 6-й и 7-й армий Северного фронта. В целом же, в период Гражданской войны в Красной Армии сражалось 30–40 тыс. китайцев, а с учетом находившихся в партизанских отрядах — около 100 тыс. чел. [Залесская, с. 100–101].

Осознанная верность героя-воина Сань Ху революции («Мы сюда не гулять приехали, товарищ командир полка! Мы никуда от тебя не уйдем» [Чернов, с. 97]) тем ярче проявляется на фоне идеологической путаницы в умах основной массы китайцев («какое нам дело до того, что русские дерутся меж собою?» vs «довольно нам жрать глазами блины, нарисованные на бумаге!.. бедным надо повсюду взять власть в свои руки и не пускать к власти ни одного богача» [Там же, с. 91]). Интернациональные китайские отряды характеризовались довольно пестрым социальным составом, они объединяли чернорабочих, грузчиков, нелегальных мигрантов, контрабандистов, бывших хунхузов и пр. По словам самих китайских партизан, «китайские рабочие часто не понимали настоящих целей борьбы, некоторые из них шли, дабы просуществовать, другие считали, что воюют с белогвардейцами, и, принимая участие в революции, смогут отомстить палачам, топившим китайцев в Амуре во время “боксерского” восстания» [ГАХК, ф. П-44, оп. 1, д. 596, л. 38].

В романе китайские революционеры — эпизодические персонажи — показаны типичными для соцреализма средствами. В одной из сцен после боя с белочехами

попавших в плен русских и интернационалистов (мадьяр, корейцев, китайцев) вывели на расстрел. Раненый Е Тин-лай, поддерживаемый русским товарищем, в последние минуты жизни запел песню «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”...», подхваченную всеми пленными. Одержав таким образом последнюю, пусть и психологическую победу над противником (противопоставление поведения врага и пленных: «подполковник побледнел и с угрожающе поднятым прутом кинулся к Е Тин-лаю», «отпрянув, офицер подбежал к пулеметам и неистово взмахнул рукою», «напруженный и бледный офицер ждал, когда пулеметы захлестнут песню и смерть сомнет ее слова» *vs* «шеренга с могучей яростью продолжала <петь>», «и сквозь злобный лай <пулеметов> гремело...», «но песня по-прежнему реяла над окровавленным берегом, под свист пуль» [Чернев, с. 125]). Еще один характерный эпизод — предсмертная речь младшего брата Сань Ху: «белый эгожень (кит.: *русский человек*) — сволочь, красный — хао, шибко хорош... чжунгожень (кит.: *китаец*) не бояться смерти!..» [Там же, с. 344].

Такие особенности были свойственны соцреализму в его романтической ипостаси: героизм персонажей носил жизнеутверждающе-пропагандистский характер: отважное поведение перед лицом врага, вдохновляющая речь / песня перед расстрелом и пр. (ср. литературу о революции: «Чапаев» Фурманова, «Разгром» А. Фадеева; о Великой Отечественной войне: «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о Зое и Шуре» Л. Космодемьянской и пр.). В конце эпизода с расстрелом происходит уже буквальное «братание» русского и китайского революционеров — смешение их крови: «на прибрежной гальке лежали, все так же в обнимку, пронзительный запевала-китаец и огненно-рыжий русский друг его. Волны уходили назад, уже окрашенные кровью» [Там же, с. 125]. Итак, герои становятся победителями, даже потерпев формальное поражение (буквально, «смертью смерть поправ»). Их смерть становится почвой, на которой взрастет будущая победа революции, причем не только в России, но и в Китае. Для соцреализма нет «маленького человека», есть часть большого «Мы», и Чернев, следуя «заветам» Горького, воспекает жертву революционеров не меньше, чем античные авторы воспевали смерть героев — Ахилла, Гектора и пр. И, как и античные герои, герои романа «Мой великий брат» столь же цельны и бесстрашны.

Герой номер четыре: Хао Ли-чан. Будущий Учитель

Как отмечают историки, «неготовность к революционной работе низовой части китайской диаспоры соседствовала с ультрареволюционностью другой ее части» [Ларин, с. 112]. Именно к такой, ультрареволюционной, части относится Хао Ли-чан: сын лавочника, на которого революционные события в России оказали большое влияние. Тогда многие образованные китайцы стали изучать труды В. Ленина, интересовались деятельностью Коминтерна. Пытаясь применить опыт российского освободительного движения к Китаю и вдохновившись первомайской демонстрацией в Благовещенске, увиденной им через Амур в районе г. Сахалин (ныне Хэйхэ), Ли-чан пересек границу и вместо поступления

в Пекинский университет стал участником Гражданской войны: «наивысший университет — университет революции» [Чернев, с. 287].

Взяв себе обязывающее русское имя Володя (отсылка к В. Ленину) и еще в Китае прекрасно овладев русским языком, он быстро сошелся с ведущими дальневосточными революционерами, стал другом и учеником Степана Шилова. Линия их взаимоотношений проводится как высокоидеологическая: оба образованные, оба — идейные революционеры, понимающие механизмы социальных процессов.

Их беседы носят лозунговый, пропагандистский характер, и довольно далеки от живых диалогов:

Степан: действительно, твоя жизнь, Володя, похожа на сказку. В этой сказке — правда о притягательной силе великой пролетарской революции. Но тебе с детства вбивали в голову всякие схоластические бредни. Как же ты преодолел все это, с чьей помощью перешагнул порог косности?

Володя: Мудрость народа старше и выше мудрости древних книг. Народ давно сказал: «Если хочешь знать вкус груши, ее надо взять в рот и прожевать». Вот я и... жую [Там же, с. 335].

Здесь еще раз расставляются идеологические акценты: буржуазная наука — зло на службе богатых, народная мудрость — настоящий учитель для революционеров.

Володя из ученика-«вундеркинда» быстро превращается в самостоятельную пропагандистскую единицу: «Эта великая страна (Россия. — О. З., А. О.) первая подняла знамя настоящей свободы, и не только тебе (Михайле. — О. З., А. О.), а всем нам она теперь родина... Если мы у себя дома со временем сделаем также...» [Чернев, с. 411], умело вкладывая в головы необразованных соотечественников основные революционные постулаты. Михайла после первой беседы с Володей: «Большая правда до сих пор лежала у меня только здесь, — он приложил ладонь к сердцу, — теперь будто пришла и в голову» [Там же, с. 412].

Известно, что вопросам пропаганды уделялось огромное значение. Массы китайских мигрантов, оставшиеся в России к началу Гражданской войны, нуждались в упорядочении и организации. В целях формирования китайских отрядов на территории РСФСР осенью 1918 г. в Москве был создан специальный штаб, уполномоченные которого — красные командиры-китайцы — были направлены в российские города для агитации китайских мигрантов. В марте 1919 г. было утверждено положение о создании специального управления по формированию интернациональных групп в Красной Армии и боевой подготовке личного состава китайских военных соединений. При региональных комиссариатах иностранных дел Дальнего Востока были организованы пропагандистские школы для интернационалистов (в том числе китайцев), которые вели пропагандистскую работу о преимуществах советской власти и необходимости борьбы с иностранными захватчиками и белогвардейцами. Была налажена работа по распространению среди китайских красноармейцев наиболее важных

политических документов советского правительства и ЦК РКП(б), газет и брошюр на китайском языке [Залесская, с. 39].

«Главный китайский идеолог» романа Хао Ли-чан, принятый в партию, «неутомимо работал в китайских частях и отрядах. Приток китайских рабочих за последнее время усилился», китайские старатели приходили с просьбами принять их в отряд: «Давай винтовки, будем бить японцев» [Чернев, с. 416].

В августе 1920 г. в интернациональном полку 5-й армии Восточного фронта действовала специальная инструкторская школа для подготовки командного состава, среди слушателей которой было 200 китайцев [Усов, с. 80]. Неизвестно, был ли учеником такой школы Володя, однако Чернев, изображая его политическую подкованность и ораторские способности, использует сплав риторических приемов российских и китайских учителей Хао Ли-чана: с одной стороны, речь Володи пересыпана народными китайскими изречениями, с другой — стиль и внутренняя логика агитационной речи абсолютно точно копирует речь Шиловых и других революционеров: «Я много говорил им о развале белогвардейщины, о восстании колчаковских гарнизонов... Они радовались, как малые дети, когда узнали, что под Никольском-Уссурийском действуют два китайских красных отряда» [Чернев, с. 416].

Будущее Володи прямо оговаривается им самим: революция в России — учеба, революция в Китае — цель. Именно для этого он получает военное образование в Москве и планирует вернуться на родину: «Мао Цзе-дун — настоящий революционный вождь, и он сумеет дать отпор авантюристам, которые, как видно, изо всех сил стараются обезоружить партию, толкнуть ее на неправильный, гибельный путь. Скоро и он, Хао Ли-чан, окунется в водоворот событий у себя на родине» [Там же, с. 610]. Володя — не единственный китаец-коммунист, получающий военное образование в Москве. Только на одном с ним курсе учились семеро его соотечественников, которых Чернев описывает как закаленных и идеологически выдержанных борцов за революцию. Перед отъездом из Москвы Хао Ли-чан встречается с Дмитрием Шиловым, что выглядело (и, вероятно, задумывалось) как благословение Учителя. Прямые лозунги — о Мао Цзэдуне, Чан Кайши, о ходе китайской революции — уже явно не вписывались в художественную ткань произведения и, вероятно, поэтому были вынесены в эпилог.

Выводы

Итак, в романе, посвященном революции на Дальнем Востоке, основные роли отданы китайским революционерам, что само по себе необычно. Во-первых, тема участия китайцев в революционных событиях мало затрагивалась как в научной, так и в художественной литературе. Во время сближения СССР и КНР в 1950-е гг. тема актуализировалась. Можно также отметить, что Чернев отчасти предвосхитил серию мемуаров конца 1950-х — начала 1960-х гг., освещавших участие китайцев-интернационалистов в Гражданской войне (Г. Грунин, Б. Шерешевский и мн. др.).

Во-вторых, написанный Черневым роман — свидетельство идеологического государственного заказа: перед писателем стояла задача изобразить китайцев максимально комплиментарно, но не выходя за рамки концепции «младшего брата». Так, всем героям-китайцам были свойственны качества, типичные и для русских революционеров: стремление к учебе, к знаниям (Хао Ли-чан — политическая учеба, Ван Се — овладение грамотой, Сань Ху — военное дело); стремление жить для других, для народа (бескорыстное участие в Гражданской войне по сути чужой страны); верность революции и пр. Если в романах, посвященных Гражданской войне и революции («Тихий Дон» Шолохова и пр.), созданных не с такой большой исторической дистанции, было место «идейным исканиям» и «духовному перерождению» героя, то в «Моем великом брате» осталось место только для положительного героя — одной из центральных конструкций соцреализма.

Роман «Мой великий брат» не стал «визитной карточкой» русской литературы о Гражданской войне, герои Ван Се, Сань Ху, Хао Шу-Ван никогда не были на слуху (подобно Павке Корчагину, Григорию Мелехову) не только в советском, но даже в региональном литературоведческом обиходе. Однако его можно назвать первой попыткой художественного осмысления истории революции на материале региональной специфики. В целом, участие граждан Китая в Гражданской войне на территории России остается одной из малоизученных тем российской истории, а в литературе роман «Мой великий брат» стал одним из немногих исторических романов на эту тему. В СССР тема китайских революционеров, как правило, рассматривалась в контексте общего вклада интернационалистов в победу революции. Между тем роль китайцев в Гражданской войне была значительной и требует тщательной оценки как ее масштабов, так и влияния на развитие отношений между нашими странами.

Источники

- ГААО — Государственный архив Амурской области. Ф. П-2617. Оп. 2. Д. 23.
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 596.
Чернев И. Мой великий брат. М. : Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1959.

Исследования

- Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон : сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб. : Академический проект, 2000. С. 743–784.
Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М. : Новое лит. обозрение, 2007.
Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток : Дальнаука, 2009.
Залеская О. В., Оробий А. В., Оробий С. П. Образ китайца в амурской литературе (к постановке проблемы социокультурного взаимодействия в дальневосточном геополитическом и литературном пространстве) // Известия Уральского федерального университета. 2018. Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 20, № 2 (175). С. 47–59. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.2.024>

- Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003.
- Паперный В. Культура Два. М.: Литагент НЛО, 2016.
- Усов В. Н. Интернациональная помощь СССР в деле подготовки китайских партийных и революционных кадров в 20–30-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 5. С. 79–85.
- 李嘉谷著. 中苏关系 (1917–1926). 北京: 社会科学文献出版社, 1996年. (Ли Цзягу. Китайско-советские отношения: 1917–1926. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 1996) (на кит. яз.).
- 罗晓辉著. 近代中苏关系史叔论. 延吉: 延边人民出版社, 2001年. (Ло Сяохуэй. Об истории китайско-советских отношений в новое время. Яньцзи: Яньбянь жэньминь чубаньшэ, 2001) (на кит. яз.).

References

- Dobrenko, E. (2007). *Politekonomiia sotsrealizma* [Political Economy of Social Realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Günther, H. (2000). Arkhetipy sovetskoï kul'tury [Archetypes of Soviet Culture]. In H. Günther, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskii kanon* [Socialist Realist Canon] (pp. 743–784). St Petersburg: Akademicheskii proekt.
- Larin, A. G. (2003). *Kitaitsy v Rossii vchera i segodnia: istoricheskii ocherk* [The Chinese in Russia Yesterday and Today: A Historical Essay]. Moscow: Muravei.
- Li, Jiagu. (1996). *Sino-Soviet Relations (1917–1926)*. Beijing: She hui ke xue wen xian chu ban she. (In Chinese)
- Lo, Xiaohui. (2001). *On the History of Sino-Soviet Relations in Modern Times*. Yanji: Yan bian ren min chu ban she. (In Chinese)
- Paperny, V. (2016). *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: Litagent NLO.
- Usov, V. N. (1987). Internatsional'naia pomoshch' SSSR v dele podgotovki kitaiskikh partiinykh i revoliutsionnykh kadrov v 20–30-e gody [International Assistance to the USSR in the Preparation of the Chinese Party and Revolutionary Cadres in the 1920s–1930s]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 5, 79–85.
- Zaleskaya, O. V. (2009). *Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938 gg.)* [Chinese Migrants in the Russian Far East (1917–1938)]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Zaleskaya, O. V., Orobii, A. V., & Orobii, S. P. (2018). *Obraz kitaitsa v amurskoï literature (k postanovke problemy sotsiokul'turnogo vzaimodeistviia v dal'nevostochnom geopoliticheskom i literaturnom prostranstve)* [The Image of the Chinese in Amur Literature (Articulation of the Issue of Social and Cultural Interaction in Far Eastern Geopolitical and Literary Space)]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 20, 2 (175), 47–59. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.2.024>

Залеская Ольга Владимировна
доктор исторических наук, профессор
кафедры романо-германских и восточных
языков, декан факультета иностранных
языков
Благовещенский государственный
педагогический университет
675000, Благовещенск, ул. Ленина, 104
E-mail: olgazalesskaya@gmail.com

Zaleskaya, Olga Vladimirovna
Dr. Hab. (History), Professor
Department of Romance, Germanic,
and Oriental Languages, Dean of the Faculty
of Foreign Languages
Blagoveshchensk State Pedagogical University
104, Lenin Str., 675000 Blagoveshchensk, Russia
Email: olgazalesskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1369-1993>

Оробий Алена Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского
как иностранного
Благовещенский государственный
педагогический университет
675000, Благовещенск, ул. Ленина, 104
E-mail: a.orobiy@gmail.com

Orobii, Alena Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Russian as a Foreign Language
Blagoveshchensk State Pedagogical University
104, Lenin Str., 675000 Blagoveshchensk, Russia
Email: a.orobiy@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8684-7197>